
Атрэй Блэквуд
Урожай округа Редфилд

Атрэй Блэквуд

Урожай округа Редфилд

https://litres.ru/74731554
SelfPub; 2026

Аннотация

В канун Хэллоуина на ферме округа Редфилд пахнет гнилью сильнее обычного: над кукурузным полем стоит старое пугало, которое семья Дэнни считает «частью семейной истории», а шестнадцатилетний Томми клянётся, что за год оно стало выше и выглядит неуютно живым. В этот вечер в доме собираются гости — бывший коп Марк со своим ножом, измотанная сестра Клэр, — и взрослые, которых что-то тревожит куда сильнее шума за окном, все разом делают вид, что ничего не происходит. Но в кукурузе прячутся подростки, затеявшие хэллоуинскую игру, земля начинает «менять правила», а прошлой осенью здесь была пролита кровь, которую никто, кроме неё самой, не забыл.

Атрэй Блэквуд
Урожай округа Редфилд

ГЛАВА 1. Клюквенный округ

Небо над округом Редфилд выцветало медленно и неохотно, словно старый холст, измазанный дешёвой багровой краской. Закат не приносил прохлады; он висел над бесконечными кукурузными полями тяжёлым, грязным куполом, окрашивая сухие верхушки стеблей в цвет запекшейся крови. Липкий, перенасыщенный предгрозовым электричеством воздух в этот вечер Хэллоуина нёс в себе удушливый шлейф перезревшей, гниющей органики. На ферме «Редфилд» давно привыкли к этому запаху, но сегодня он казался агрессивным и проникающим под кожу, словно земля пыталась исторгнуть наружу то, что слишком долго гнило в её глубоких, тёмных недрах.

Томми стоял у окна на втором этаже. Ему исполнилось шестнадцать всего месяц назад, но в его сутулой фигуре, с вечно опущенными плечами читалась усталость человека, прожившего на этой бесплодной земле добрый десяток лет. Его ладони лежали на растрескавшемся деревянном подоконнике. Краска здесь давно облупилась, обнажив серую, иссохшую древесину, которая колола пальцы мелкими щепками. Взгляд парня был прикован к дальней границе участка, туда, где ровные стрелы кукурузных рядов обрывались перед

полосой чёрной, грубо перепаханной земли. Там, на старом покосившемся кресте из толстых дубовых сучьев, высилось пугало.

Оно казалось неестественно огромным в сгущающихся сумерках. Голова из грязной, изъеденной молью мешковины была грубо набита перепревшей соломой и стянута на месте шеи ржавой проволокой. Лицо монстра — если этот уродливый мешок вообще можно было наделить человеческими чертами — Дэнни, отец Томми, соорудил несколько лет назад. Две грубые прорези вместо глаз и рваная щель вместо рта, стянутая суровой бечевой. На перекладине креста висело старое, грязное рабочее пальто. Томми помнил, кому оно принадлежало. Гари. Добродушному парню с грустными глазами, который работал здесь до прошлого октября. Год назад отец объявил, что Гари оказался обыкновенным воришкой, который украл деньги из сейфа и сбежал посреди ночи, бросив свои немногочисленные пожитки.

Внутри мешковины что-то лениво шевелилось. Наверняка это были полевые мыши или жирные черные жуки-могильщики, которые облюбовали соломенное нутро чучела для своих зимних гнёзд. Но сегодня, когда тени начали выползать из-за кукурузных стеблей, Томми почудилось, что костлявые плечи пугала приподнялись, словно оно сделало первый, тяжёлый вздох после долгого сна. Порывы ветра заставили полы старого пальто Гари взметнуться, и этот сухой, хлопающий звук отозвался в груди Томми странной, ноющей

болью.

Тишину двора разорвал резкий, металлический скрежет. Тяжёлые кованые ворота фермы, которые Дэнни никогда не смазывал, с грохотом распахнулись. На гравийную дорожку, поднимая клубы серой, удушливой пыли, въехал старый, массивный пикап Марка. Его дизельный двигатель работал с натужным, утробным рокотом, выплевывая из выхлопной трубы сизые облака угарного газа. Машина остановилась у самого крыльца, и мотор заглох, издав напоследок тяжёлый металлический вздох.

Дверца пикапа распахнулась с характерным лязгом. Марк вывалился наружу — грузный, широкоплечий, в потёртой кожаной куртке, которая трещала по швам на его раздавшейся талии. Бывший окружной полицейский, а ныне — обычный ночной сторож на промышленных складах, он сохранил свою главную и самую пугающую привычку: его правая ладонь всегда покоилась чуть ниже ремня, там, где раньше в кобуре сидел тяжёлый табельный «Глок». Марк хлопнул дверью машины так, что стёкла жалобно звякнули, но к дому не пошёл. Он остановился, засунув руки в карманы куртки, и медленно повернул голову в сторону поля.

Его маленькие, глубоко посаженные глаза сощурились, выискивая что-то среди сухих листьев. На лбу прорезалась глубокая, почти уродливая складка. Марк тяжело вздохнул, сплюнул густую слюну на чахлую траву газона и только после этого двинулся к крыльцу, заставляя деревянные ступе-

ни гнуться и скрипеть под весом своего массивного тела.

— Дэнни! — гаркнул Марк, вышибая дверь прихожей коротким ударом ладони. Его голос, прокуренный, хриплый и надтреснутый, мгновенно разрушил хрупкий покой старого дома. — Ты бы хоть засовы на воротах проверил, придурок. Время сейчас не то. Праздник у них, видите ли. Полночи по дорогам шныряет городская шваль, маски эти уродливые... Тут места такие, Дэнни, ты сам знаешь. Человека в землю зарой — через неделю кукуруза всё сожрёт, и костей шериф не откопает.

Дверь из гостиной распахнулась. На пороге появился хозяин фермы. Дэнни выглядел измождённым и бледным, несмотря на то что последние недели провёл под палящим солнцем, руководя уборкой остатков урожая. Его синяя джинсовая рубашка была небрежно расстёгнута на три верхние пуговицы, обнажая сухую, жилистую шею с резко выступающим кадыком. В правой руке он сжимал массивный стакан с дешёвым кукурузным бурбоном. Лёд внутри давно растаял, превратив алкоголь в мутную, тёплую янтарную жижу.

— Перестань исходить желчью, Марк, — Дэнни попытался выдавить дружескую усмешку, но его губы лишь судорожно натянулись, обнажив желтоватые, неровные зубы. Глаза фермера оставались холодными, они непрерывно бегали по сторонам, избегая прямого взгляда приятеля. — Кто сюда сунется? На десять миль вокруг — ни одной живой души, если не считать ворон и крыс в амбаре. Заходи давай, Сара

как раз закончила с пирогом. Из самой духовки.

Из полумрака длинного, неровного коридора показалась Сара. Жена Дэнни казалась почти прозрачной, словно бесплотный призрак, который по какой-то нелепой ошибке забыл покинуть этот проклятый дом после своей смерти. Её тонкие, узловатые пальцы, покрытые мелкими ожогами от печи, судорожно сжимали края старого серебряного подноса. На нём сиротливо дребезжали фарфоровые чашки с чаем. На Саре было закрытое серое платье, но даже плотная ткань не могла скрыть того, как сильно и страшно она похудела за последние месяцы. Кожа на её лице обтянула скулы так плотно, что женщина стала похожа на обтянутый пергаментом череп, а под глазами залегли глубокие, фиолетовые тени.

— Проходи, Марк, — её голос прозвучал так тихо, словно она пыталась говорить сквозь слой ваты. Она боялась. Боялась, что слишком громкий звук её собственного голоса может привлечь внимание чего-то, что затаилось прямо за стенами дома. — На улице холодает с каждой минутой. И ветер... ветер сегодня очень нехороший. Он дует с восточных болот.

В этот момент к дому с тихим шуршанием подкатил аккуратный японский хэтчбек Клэр, младшей сестры Сары. Девушка вышла из салона, брезгливо оглядывая раскисшую от росы землю и поправляя полы своего длинного шерстяного пальто шоколадного цвета. Клэр была полной противо-

положностью своей угасающей сестры: ухоженная, с ярким, вызывающим макияжем, который, впрочем, в тусклых лучах умирающего заката выглядел слишком театрально. Так красят покойников в дорогих похоронных бюро, чтобы скрыть трупные пятна.

Клэр остановилась у капота своей машины, и её взгляд практически сразу переместился на границу поля, где высился деревянный крест.

— Дэнни, ради всего святого, — Клэр брезгливо поморщилась, указав длинным, идеально накрашенным ногтем в сторону поля. — Это чучело выглядит просто омерзительно. Неужели нельзя было сорвать его и сжечь к нашему приезду? От него... даже отсюда чувствуется этот запах. Пахнет тухлятиной и прелым зерном. У меня от этого запаха голова раскалывается.

Дэнни раздражённо дёрнул жилистым плечом, сделав большой, судорожный глоток из своего стакана.

— Оно стоит там уже больше десяти лет, Клэр, — отрезал он, и в его голосе прорезались агрессивные, скрежещущие нотки. — Мой отец его ставил, чтобы чёртовы птицы не склевали озимые. Это, если хочешь знать, часть нашей семейной истории. Наш местный колорит. Так что замолчи и терпи, раз приехала.

Томми, который к этому времени тихо, словно тень, спустился по скрипучей деревянной лестнице и встал за спиной матери, сделал осторожный шаг вперед. Когда Клэр подня-

лась на крыльцо, парень аккуратно потянул её за рукав дорогого пальто.

— Мне оно тоже не нравится, тётя Клэр, — прошептал подросток. Его пальцы заметно дрожали, цепляясь за шерстяную ткань. — Мне кажется, оно сегодня... выше. Выше, чем было утром. И пальцы. У него из рукавов торчат не просто ветки дерева. Они похожи на... на чьи-то иссохшие руки.

— Перестань, Томми, — Клэр натянуто, фальшиво улыбнулась и коротко похлопала его по щеке. Её ладонь оказалась ледяной, словно у лягушки. — Это всего лишь солома, старая мешковина и тряпьё твоего отца. Дэнни прав — это обычный глупый деревенский декор. Хэллоуин же на носу, вот твоя фантазия и разыгралась. Меньше читай свои дурацкие комиксы по ночам.

Но Томми отчётливо видел, как Клэр, перед тем как переступить порог прихожей, сама незаметно, воровато оглянулась на поле. Пугало на кресте стояло абсолютно неподвижно. Однако теперь его мешковидная голова была наклонена под таким странным, неестественным углом, словно чучело изо всех сил пыталось расслышать их разговор сквозь непрерывный, сухой шелест кукурузных листьев.

В гостиной дома было невыносимо душно. Дэнни растопил массивный камин, хотя настоящих заморозков в округе Редфилд ещё не наблюдалось. Яркое пламя яростно пожирало толстые дубовые поленья, бросая на бревенчатые стены длинные, ломаные тени, которые корчились в углах, словно

живые существа. На старом деревянном комоде в углу комнаты стояли три вырезанные тыквы — традиционный хэллоуинский атрибут. Из их уродливых глазниц и неровных зубастых пастей струился тусклый, подрагивающий свет дешёвых парафиновых свечей. Запах печёной тыквенной мякоти смешивался в воздухе с ароматом корицы, терпкого бурбона и тем самым, едва уловимым, сладковатым запахом тления, который упрямо проникал в дом сквозь мельчайшие щели в старых оконных рамах.

Гости расположились вокруг массивного дубового стола, который помнил ещё деда Дэнни. Разговор упорно не клеился. Марк сидел, глубоко развалившись в старом кожаном кресле, и то и дело вытаскивал из кармана куртки свой тяжелый армейский нож. Он открывал и закрывал длинное воронёное лезвие с сухим металлическим щелканьем. Этот звук — щелк... клик... щелк — действовал Саре на нервы. Каждый раз, когда лезвие с лязгом пряталось в рукоять, женщина вздрагивала, проливая горячий чай из фарфорового носика прямо на белую скатерть, которая мгновенно покрывалась грязно-желтыми пятнами.

На границе видимости, там, где кукурузное поле подступало к самому забору усадьбы, Томми заметил странное шевеление. Несколько маленьких гибких силуэтов промелькнули между рядами сухих стеблей. Соседские дети из городка. Томми знал эту глупую традицию: в ночь на Хэллоуин местная детвора часто сбегала из дома, чтобы пробраться на

старые фермы, поиграть в прятки в кукурузе и подразнить друг друга «на слабо». Они бегали там в темноте, не подозревая, что земля под их ногами уже начала менять свои правила.

Паранойя взрослых в доме росла с каждой минутой, подпитываемая алкоголем и старым, тщательно скрываемым грехом. Ужас только начинал свой медленный, тягучий путь к их горлам.

ГЛАВА 2. Ржавчина на кочерге

Комната постепенно погружалась в ту липкую, полусонную атмосферу, которая всегда предшествует грозе. Запах печеного пирога Сары, призванный создать иллюзию домашнего уюта, окончательно проиграл войну удушливому смраду с полей. Дэнни сидел во главе стола, его палец непрерывно выводил круги по мокрому краю стакана. Бурбон заканчивался, а вместе с ним таяла и его напускная уверенность.

Марк продолжал щелкать ножом. Клик-щелк. Клик-щелк. Этот звук въедался в сознание, как капли воды, падающие на темя при пытке.

— Ты весь вечер дергаешься, Дэнни, — Марк наконец поднял свои маленькие свиные глазки от лезвия. — Руки трясутся. На копа ты не похож, но я-то старый волк. Ты так оглядываешься на окна, будто ждешь, что оттуда кто-то заглянет.

— Заткнись, Марк, — процедил Дэнни, не глядя на него. — У себя на складе командовать будешь.

Томми сидел на своем табурете в углу гостиной, подтянув колени к подбородку. Отсюда, из тени, взрослые казались ему гротескными фигурами из кукольного театра. Его взгляд упал на ржавую кочергу, лежащую у остывающего камина. На ее изгибе виднелось темное серовато-бурое пятно, которое Сара так и не смогла оттереть ни мылом, ни щелочью. Томми знал, что это за пятно. Память послушно, словно против воли, швырнула его назад — в прошлый октябрь.

Год назад ферма «Редфилд» казалась Томми совсем другой. Тогда здесь был Гари.

Гари пришел на ферму в начале лета — автостопом из соседнего штата. На нем были поношенные рабочие ботинки и то самое старое шерстяное пальто, которое теперь висело на кресте в поле. У Гари были удивительно мягкие, грустные карие глаза и тихий голос. Он никогда не повышал голос, даже когда старый трактор Дэнни глох в сотый раз или когда бешеные вороны атаковали мешки с семенами.

Для Томми Гари стал единственным живым человеком в этом доме, где правили вечный страх и тяжелая отцовская рука. Дэнни ненавидел сына за слабость, за любовь к книгам, за то, что мальчик не родился широкоплечим громилой вроде Марка. Гари же тайно отдавал Томми свои старые журналы про технику, учил его перебирать карбюратор и, когда Дэнни уходил в запой, тихо сидел с подростком на крыльце, рассказывая о далеких городах, где дома достают до облаков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.